

САЯСАТ ТААНУУ ИЛИМДЕРИ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
POLITICAL SCIENCE

Конгайтиева Г.А.

**БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ КЫТАЙДЫН ТЫШКЫ САЯСАТЫ:
ЖАҢЫ ТЕНДЕНЦИЯЛАР**

Конгайтиева Г.А.

**КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

G.A. Kongaitieva

**CHINEESE FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA:
NEW DEVELOPMENTS**

УДК: 327 (510) (09)

Сунушталып жаткан илимий макалада Кытай менен Борбордук Азия өлкөлөрүнүн тышкы экономикалык байланыштары улуттук коопсуздук жана соода-экономикалык мамилелеринин контекстинде каралган. Автор мындай мамилелердин өнүгүшүнүн бир катар багыттарын белгилеп, аткарыла турган иш-чаралардын комплексин сунуш кылат.

Негизги сөздөр: улуттук коопсуздук, соода мамилелери, регионалдык саясат, энергетика, маданий кызматташтык, Шанхай кызматташтык уюму, Евразия экономикалык кызматташтыгы, Борбордук Азия, өнөктөштүк.

В представленной научной статье рассматриваются особенности внешнеполитических связей Китая со странами Центральной Азии в контексте национальной безопасности и торгово-экономических отношений. Также перечисляются основные направления развития этих связей и обозначен комплекс мер и действий, направленных на решение данных вопросов.

Ключевые слова: национальная безопасность, торговля, региональная политика, энергетика, культурное сотрудничество, Китай, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Центральная Азия, партнерство.

The article considers the peculiarities of China's foreign relations with the countries of Central Asia in the context of national security and trade economic relations. It also lists the main directions of development of these relations and marked a range of measures and actions to address these issues.

Key words: international security, trade, regional politics, energy, culture cooperation, China, Shanghai organization cooperation, the Eurasian economic Union, Central Asia, the partnership.

На протяжении многих столетий между народами Центральной Азии (ЦА) и Китая шел интенсивный процесс многостороннего взаимодействия (экономического, научного, культурного и т.д.). В период расцвета Великого шелкового пути (вплоть до середины II-го тысячелетия нашей эры) страны, расположен-

ные на территории центрально-азиатского региона, служили транспортным мостом между Китаем и Европой. Они имели статус хорошо развитых торговых, финансовых и производственных центров. При этом Китай долгое время оставался для Центральной Азии важнейшим источником научных знаний и передовых технологий.

Во второй половине XIX века, когда Центральная Азия вошла в состав Российской империи, ее связи с Китаем – начали ослабевать. В советские времена, когда центрально-азиатский регион являлся составной частью СССР, его отношения с Китаем были фактически свернуты.

С обретением в 1991 году республиками Центральной Азии национальной независимости, новые государства региона объективно были заинтересованы в скорейшем выходе на международную арену и развитии сотрудничества, в первую очередь с соседними странами. Выстраивание отношений государств ЦА с Китайской Народной Республикой (КНР) в начале 90-х годов началось практически с «чистого листа» и, по мере активизации в регионе самого Китая, шло по нарастающей, приобретая новые формы и содержание [1, с. 115].

После обретения бывшими советскими республиками в Центральной Азии статуса независимых государств КНР незамедлительно заявила об их дипломатическом признании, начала развивать политические и торгово-экономические связи с ними. Наглядным показателем этого курса явился визит в 1994 году премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Ташкент, где он сформулировал политику Пекина в отношении стран этого региона.

Во время своего визита в Ташкент премьер Госсовета Ли Пэн обозначил четыре основных направления развития связей с центрально-азиатскими странами: 1) у КНР и центрально-азиатских республик много общих интересов, которые могут стать основой дружественных отношений; 2) разви-

тие сотрудничества КНР со странами Центральной Азии не направлено против третьих стран; 3) у Китая нет намерений конкурировать в этом регионе с Россией; 4) у КНР в Центральной Азии нет корыстных интересов, и она не угрожает центрально-азиатским государствам.

По мнению Ли Пэна «отношения между Китаем и странами Центральной Азии вступили в новый этап». «Мы хотим, – продолжал он, – чтобы центрально-азиатские государства жили в согласии и развивали дружественные отношения со всеми странами, в том числе с Россией и другими странами СНГ» [2, с. 56].

Китайские эксперты указывают, что Китай, придерживается шести основных установок при сотрудничестве с государствами Центральной Азии:

- исходить из принципов равноправия и учета взаимных интересов, вести дела в соответствии с экономическими закономерностями; взаимная доступность, выгода и создание благоприятных условий должны быть положены в основу экспортно-импортных операций; торговые сделки надлежит осуществлять в установленном порядке;

- следует всячески разнообразить формы сотрудничества. Бартерную торговлю необходимо постепенно переводить на расчеты в наличной валюте и совершенствовать систему банковских расчетов. Китай одобрительно относится к развитию экономического сотрудничества пяти стран Центральной Азии с его провинциями и городами;

- исходя из реальной обстановки, умело использовать местные сырьевые источники и преимущества местных материалов, их конкурентоспособность, выявлять потребности рынка, степень надежности партнера, возможности крупных предприятий;

- совершенствовать транспортные коммуникации, прокладывать новые «шелковые пути», общими усилиями использовать на благо народов различных стран существующие транспортные коммуникации, связывающие Европейский и Азиатский материки;

- рассматривать незначительную ныне экономическую помощь Китая центрально-азиатским странам как проявление дружеских чувств;

- всемерно развивать приграничное сотрудничество с каждой из стран Центральной Азии и тем самым способствовать общему развитию [3, с. 87].

На сегодняшний день Китай представляется одним из ведущих акторов, взаимодействующим с государствами Центральной Азии. Китай играет все более значимую роль в мировой и региональной политике, а Центрально-Азиатский регион, обретает стратегическую геополитическую и геоэкономическую значимость. Китайская политика в Центральной Азии имеет несколько стратегических направлений: безопасность, торговля, энергетика, культурное сотрудничество. В процессе изучения этой политики

необходимо учитывать множество факторов, как внутренних, так и внешних, однако в первую очередь стоит зафиксировать наличие исторических условий, специфики, которая определяет базовые условия для взаимодействия Пекина и государств региона. Китай граничит с ЦАР на северо-западе. Пограничным для КНР регионом там является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). СУАР отличается от остальных регионов в первую очередь этническим составом — там преобладает тюркское население, этнически идентичное населению некоторых стран Центральной Азии. В Синьцзяне есть значительные по своему размеру уйгурские, казахские и узбекские общины. Исторически территория современного СУАРа составляла с Центральной Азией единое целое, которое в XVIII–XIX вв. было искусственно разорвано путем экспансии Российской и Цинской империй [4, с.12]. После распада СССР по вполне очевидным причинам встал вопрос о воссоединении исторических связей между регионом и Китаем. Проблемы налаживания диалога в новой геополитической реальности, возможно, были бы несколько другими, если бы Синьцзян был обычной провинцией КНР с преобладающим ханьским населением. Особый статус СУАРа, который представляет собой «национальную районную автономию», характеризует особое место, которое этот регион занимает во внутренней политике Китая [5, с. 34].

Геополитическое открытие Центральной Азии, которое по вполне понятным причинам было шоковым явлением для Китая, придало новый статус северо-западной границе государства. До 1991 г. с севера и северо-запада КНР граничил с одним и тем же государством, Советским Союзом. После его дезинтеграции Китай строил отношения уже с новыми государствами Центральной Азии.

Тема обеспечения безопасности была ключевой в процессе выстраивания взаимодействия Пекина с центрально-азиатскими государствами в начале 90-х, не теряет актуальности она и сегодня.

В Пекине исходят из того, что Центральная Азия играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая. Наряду с Россией, этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла, беспроектной опоры перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на тихоокеанский бассейн, где нарастает конкуренция двух центров тяготения – США и КНР. К тому же заметна оправданная обеспокоенность Китая по поводу активизации подходов Запада в отношении Центральной Азии на фоне неопределенности афганского фактора [6, с. 17].

Китай не может не беспокоить активизация стран Запада, НАТО в республиках бывшего СССР, примыкающих к Китаю. Пекин заинтересован в создании около своих северо-западных границ (Синь-

цзяна) буферной зоны, заслона на пути продвижения НАТО к Китаю, на пути распространения исламского экстремизма [7, с. 89].

Рассмотрение характера экономического проникновения Китая в Центральную Азию свидетельствует о том, что после 2001 года, по мере трансформации периферийного статуса Центральной Азии в стратегический, на первый план для Китая выходит именно экономическая составляющая региональной политики. По сути, с наступлением XXI века руководство КНР определило именно экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. Одним из важных индикаторов этого может служить масштабное увеличение китайских финансовых ресурсов, направляемых в регион.

На современном этапе экономическая политика КНР в ЦА жестко подчинена общей стратегии Пекина по обеспечению максимально благоприятных внешних условий для достижения системного прорыва в плане модернизации, дальнейшего устойчивого роста экономики и последующего превращения страны в один из глобальных экономических центров силы. Пытаясь приблизиться к решению этих сложных задач, Китай решил более активно задействовать и центрально-азиатский вектор своей политики, сделав выбор в пользу кардинального укрепления позиций в национальных экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там проектно-инвестиционной деятельности и увеличения объемов предоставляемых кредитов.

Не будет большим преувеличением сказать, что Пекин нацелен на постепенное вовлечение региона в орбиту своего геоэкономического влияния. Следует особо отметить, что КНР проводит данную стратегическую линию крайне осторожно, ни в малейшей степени не афишируя своих политических / геополитических амбиций в ЦА. При этом экономическое проникновение Китая в Центральную Азию направлено, прежде всего, на освоение и импорт минерально-сырьевых ресурсов, всемерное стимулирование экспорта китайских товаров и услуг [8, с.238].

Китайско-центральноазиатские торговые отношения уже прочно сложились в формате «готовая продукция в обмен на сырье», а растущие масштабы экономического присутствия Китая в Центральной Азии объективно способствуют лишь укреплению за странами региона сырьевого статуса.

В заключении хотелось бы сказать, что в итоге для развития взаимовыгодного межгосударственного экономического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, нужна консолидированная политическая воля всех вышеуказанных

стран и их ключевого союзника – России в плане максимально эффективного задействования потенциала ШОС для совместной выработки и реализации стратегических инициатив по многостороннему экономическому сотрудничеству в рамках данной организации.

Налаживание механизмов комплексного и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества в системе «Россия – Китай–Центральная Азия» может стать разумной альтернативой многостороннего развития. Как представляется, необходимо форсирование реинтеграционных процессов в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Казахстана и Беларуси, активизация и значительное усиление координации взаимодействия между ЕврАзЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) и ШОС.

В принципе, у ШОС есть шансы, чтобы в долгосрочной перспективе превратиться в мощный экономический блок. Однако для этого необходимо решить главные проблемы: существенно снизить фрагментацию экономического пространства «Россия – Центральная Азия» и преодолеть сырьевую ориентацию экономик стран региона и России. В этой связи, долгосрочные перспективы ШОС как экономического блока связаны с производственно-инновационной межгосударственной кооперацией в рамках данной организации (по формуле «ЕврАзЭС/ЕЭП + ШОС»).

Литература:

1. Гельбрас В. Куда идет Китай// МЭ и МО.- 2000.- № 4. – с.112-118
2. Этапы становления и развития кыргызской государственности: сборник материалов Международной научной конференции в RUYE (май 2002). - Бишкек 2002
3. Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 года. Прогностический дискурс // Перспективы [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 29.11.2011. С.87.
4. Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI в. - М.: ИДВ РАН, 2010. С. 12.
5. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. - М.: Фонд «Наследие Евразии», 2008. С. 34.
6. А.Е. Мальцев. Особенности политики КНР в в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых// Сравнительная политика и геополитика. Эл.журн. 4 -2012. С.17. URL: mgimo.ru/upload/ docs2/maltzev.pdf.
7. Этапы становления и развития кыргызской государственности: сборник материалов Международной научной конференции в RUYE (май 2002). – Бишкек 2002
8. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой // Внешнеполитический процесс в странах Востока : науч. изд. / под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 248.

Рецензент: к.полит.н., и.о. доцента Ишеналиева А.К.